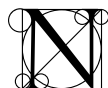

ДЖОН ГРИШЭМ

ДЖОН ГРИШЭМ
ЗАВЕЩАНИЕ

Издательство АСТ
МОСКВА

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Г85

Серия «Гришэм: лучшие детективы»

John Grisham
THE TESTAMENT

Перевод с английского *И.Я. Дорониной*

Компьютерный дизайн *А.А. Кудрявцева*

Студия «FOLD & SPINE»

Печатается с разрешения литературных агентств
The Gernet Company и Andrew Nurnberg.

Гришэм, Джон.

Г85 Завещание : [роман] / Джон Гришэм ; [пер. с англ.
И. Я. Дорониной]. — Москва : Издательство АСТ, 2019. —
416 с. — (Гришэм: лучшие детективы).

ISBN 978-5-17-115679-4

Трой Филан, богатейший магнат юга, знает: скоро он умрет.

Но у него еще есть время изменить завещание. Это и будет его последним посланием многочисленным родственникам, только и жажущим момента получить свою «часть пирога»...

После оглашения последней воли Филана начинается настоящая битва за то, чтобы опротестовать ее.

Потому что практически все деньги магната завещаны никому не известной Рейчел Лейн, живущей где-то в топах Бразилии.

Как ее найти? И можно ли уговорить поступиться своими интересами ради других членов семьи?

Адвокат Нейт О'Рейли отправляется на поиски Рейчел Лейн и очень скоро понимает, что ввязался в опасное предприятие. Ведь там, где скрывается богатая наследница, его ждут настоящие испытания и смертельная опасность...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Belfry Holdings, Inc, 1999
© Перевод. И.Я. Дорониной, 2009
© Издание на русском языке AST Publishers, 2019

ISBN 978-5-17-115679-4

Глава 1

Остался последний день, а теперь — последние часы. Я — старик, одинокий, никем не любимый, больной, вредный и уставший от жизни. Я готов к встрече с миром иным — хуже, чем здесь, там не будет.

Мне принадлежат и высотное здание из стекла и бетона, в котором я сижу, и девяносто семь процентов компании, которая размещена в нем, там, внизу, подо мной, и земля вокруг — по полмили в трех направлениях. А еще две тысячи человек, работающих здесь, плюс двадцать тысяч, занятых в других местах. Мне принадлежат трубопровод, проложенный под землей, по которому газ доставляется в здание от техасского месторождения, и линия электропередачи, которая снабжает дом энергией. Я арендую спутник, летающий на невиданной высоте, через который я некогда рассылал приказы своей империи, расплзшейся по всему миру. Мое состояние перевалило за одиннадцать миллиардов долларов. У меня есть серебро в Неваде, медь в Монтане, кофе в Кении, уголь в Анголе, каучук в Малайзии, природный газ в Техасе, сырая нефть в Индонезии и сталь в Китае. Моя компания владеет другими компаниями, производящими электричество, компьютеры, возводящими плотины, издающими книги в мягких обложках, транслирующими теле- и радиосигналы через мой спутник. Мои дочерние компании находятся в большем количестве стран, чем я могу перечислить, полагаясь на память.

Когда-то у меня были все соответствующие моему положению игрушки: яхты, самолеты, блондинки, дома в Европе,

фермы в Аргентине, острова в Тихом океане, первоклассные автомобили, даже хоккейная команда. Но я вышел из того возраста, когда играют в игрушки.

Деньги — ширма, за которой прячется мое горе.

У меня было три семьи. Три жены родили мне семь детей, шесть из них живы и делают все, что могут, лишь бы потерзать меня. Насколько мне известно, я действительно породил всех семерых. И одного похоронил. Точнее, его похоронила мать. Меня тогда не было в стране.

Я живу отдельно от своих жен и детей. Но сегодня они все собрались здесь, потому что я умираю и настало время делить деньги.

Об этом дне я думал очень давно. В моем здании четырнадцать этажей, оно образует замкнутый четырехугольник, внутри которого располагается тенистый двор, где когда-то я устраивал приемы на открытом воздухе. Я живу и работаю на верхнем этаже — двенадцать тысяч квадратных футов роскоши, которая многим может показаться неприличной, что нимало меня не беспокоит. Каждый цент я заработал собственным потом и мозгами. Кроме того, мне везло. Удача редко отворачивалась от меня. Так что тратить все это богатство — моя прерогатива. И кому его отдать, должен был бы выбирать я сам, но меня обложили со всех сторон.

Какая мне разница, кому достанутся деньги? Мне они уже принесли все, что можно вообразить. Сидя здесь в инвалидной коляске в ожидании смерти, я не могу придумать ничего, что мне хотелось бы купить или увидеть, не в силах вообразить ни одного места, куда мне хотелось бы поехать, представить ни одного приключения, которое мне хотелось бы пережить.

У меня уже все было, и я очень устал.

Мне все равно, кто получит деньги. Но для меня важно, чтобы кое-кто их *не получил*.

Каждый квадратный фут этого здания распланирован лично мной, поэтому я точно знаю, где кого поместить во время предстоящей церемонии. Все они слетелись сюда, ждут давно, но не ропщут. Они готовы были бы голыми стоять на улице в снежную бурю, лишь бы урвать свое.

Моя первая семья — это Лилиан и ее выводок: четыре отпрыска, рожденных женщиной, которая и подпускала-то меня к себе редко. Мы поженились молодыми: мне было двадцать четыре, ей — восемнадцать, так что Лилиан теперь тоже старуха. Я не видел ее много лет, не хочу видеть и сегодня. Не сомневаюсь, она по-прежнему играет роль оскорбленной, брошенной, но примерной первой жены, которая явилась выторговывать себе награду. Она так больше и не вышла замуж, уверен, что за прошедшие пятьдесят лет у нее вообще не было мужчин. До сих пор не могу понять, как у нас с ней получились дети.

Ее старшему сыну сейчас сорок семь. Трой-младший, ничемный идиот, носит проклятие моего имени. В детстве его называли Ти Джей, и он до сих пор предпочитает это имя Трою. Из шестерых детей, собравшихся сегодня здесь, Ти Джей самый тупой, хотя все они недалеко ушли друг от друга. В девятнадцать его вышвырнули из колледжа за торговлю наркотиками.

Как и остальные, Ти Джей получил на совершеннолетие пять миллионов долларов. И как у остальных, они утекли у него сквозь пальцы.

Я терпеть не могу вспоминать жалкие истории жизни детей Лилиан. Достаточно сказать, что все они погрязли в долгах, ни на что не годны и едва ли способны измениться. Вот почему моя подпись под завещанием для них очень много значит.

Но вернемся к моим бывшим женам. Фригидность Лилиан я променял на огненную страсть Джейни, юной красавицы, работавшей секретаршей в бухгалтерии. Она быстро сделала карьеру после того, как я решил брать ее с собой в деловые поездки. Я развелся с Лилиан и женился на Джейни, которая была на двадцать два года моложе меня и решительно настроена ни на минуту не дать мне почувствовать себя неудовлетворенным. Она очень скоро родила мне двоих детей и использовала их в качестве якоря, чтобы удержать меня в семейной гавани. Роки, младший, погиб вместе с двумя приятелями в автокатастрофе на своей спортивной машине. Уладить дело в суде стоило мне шести миллионов долларов.

На Тайре я женился, когда мне было шестьдесят четыре, а ей — двадцать три. Она была беременна от меня маленьким чудовищем, которого по совершенно непонятной мне причине

назвала Рэмблом. Рэмблу сейчас четырнадцать, и у него уже есть два привода в полицию за хранение марихуаны. У него жирные волосы, которые липнут к шее и ниспадают на спину, и он украшает себя серьгами, которые красуются у него и в ушах, и на бровях, и в носу. Говорят, он ходит в школу, когда ему хочется.

Рэмбл стыдится, что его отцу почти восемьдесят лет, а мне стыдно от того, что у сына даже в язык воткнуты серебряные бусинки.

И он так же, как остальные, ждет, когда я поставлю свое имя под завещанием и сделаю его жизнь прекрасной. Каким бы огромным ни было мое наследство, таким дуракам, как они, не понадобится много времени, чтобы промотать его.

Умиравший старик не должен испытывать ненависти, но я ничего не могу с собой поделать. Все они — кучка жалких идиотов. Их матери меня ненавидят, следовательно, и дети приучены ненавидеть.

Они — словно стая вьющихся надо мной стервятников с когтистыми лапами, острыми зубами и голодными глазами, у которых кружится голова в предвкушении неограниченной наличности.

Моя дееспособность — важнейший вопрос для них. Они думают, что у меня опухоль, поскольку я порой говорю странные вещи. Я бессвязно бормочу что-то при встречах и по телефону, и помощники, стоящие у меня за спиной, кивают, что-то шепчут и думают: «Да, так и есть». Они правы. У меня действительно опухоль.

Два года назад я составил завещание, по которому все переходило моей последней сожительнице — она в то время разгуливала по квартире в одних леопардовых штанишках. Да, видимо, я действительно помешан — помешан на двадцатилетних блондинках с пышными формами. Но потом эта красотка получила расчет, бумагорезательная машина — мое завещание, а я ощутил страшную усталость.

Еще раньше, три года назад, я подготовил завещание — просто ради собственного удовольствия, — согласно которому оставлял все благотворительным организациям — их там значилось более сотни. Как-то мы ссорились с Ти Джеем, он проклинал меня, я —

его, и я рассказал ему об этом завещании. Он, его мать и их родня наняли банду адвокатов-мошенников и подали в суд иск с требованием определить меня в клинику для обследования и лечения. Сильный ход законников, потому что, если бы меня признали недееспособным, мое завещание было бы аннулировано.

Однако у меня свои адвокаты, и я плачу им по тысяче долларов в час, чтобы они трактовали законы в мою пользу. Судья счел меня вполне нормальным, хотя в тот момент я, вероятно, и впрямь был немного не в себе.

Вскоре после этого в ненасытной пасти моей бумагорезательной машины исчезло мое очередное завещание, но отправил его туда я сам, без чьей бы то ни было помощи.

Я одеваюсь в длинные белые одежды из тайского шелка, брею голову наголо, как монах, и мало ем, отчего тело мое стало маленьким и сморщенным. Все считают меня буддистом, но на самом деле я исповедую зороастризм. Моим бывшим женам и детям разница неведома. Я даже могу понять их и не удивляюсь, что они низко оценивают мои теперешние умственные способности.

Лириан и моя первая семья расположились в комнате для закрытых совещаний на тринадцатом этаже, как раз подо мной. Эта большая комната, отделанная мрамором и красным деревом, с дорогим ковром на полу и длинным овальным столом в центре сейчас заполнена взвинченными до предела людьми. Неудивительно, что среди них больше адвокатов, чем членов семьи. Свой адвокат есть у Лириан и у каждого из ее детей, а Ти Джей привел даже троих, чтобы продемонстрировать собственную значительность и быть уверенным, что все варианты будут должным образом осмыслены. У Ти Джея больше проблем с законом, чем у многих заключенных, которым грозит смертная казнь.

В дальнем конце стола установлен большой цифровой монитор, с его помощью можно будет следить за процедурой освидетельствования.

Рекс, сорокачетырехлетний брат Ти Джея, мой второй сын, только что женился на стриптизерше. Ее зовут Эмбер, это несчастное существо без мозгов, но с чертовски большой грудью. Кажется, она его третья жена. Вторая или третья? Впрочем, мне ли осуждать его? Она сидит рядом с другими женами и/или со-

жительницами, нервничая в предвкушении раздела одиннадцати миллиардов.

Первая дочь Лириан, моя старшенькая, Либбигайл, ребенок, которого я самозабвенно любил, пока она не уехала в колледж учиться и не забыла меня. Потом она вышла замуж за африканца, и я вычеркнул ее имя из завещания.

Мэри-Роуз — последний ребенок, которого родила мне Лириан. Она вышла замуж за врача. У того были огромные амбиции, он мечтал стать супербогачом, но пока они сидели по уши в долгах.

Джейни и моя вторая семья ожидают в комнате на десятом этаже. После нашего давнего развода она дважды выходила замуж. Почти уверен, что сейчас она одна. Я нанял детективов, чтобы быть в курсе дел, но даже ФБР не могло бы уследить за ее перебежками из постели в постель. Как я упоминал, ее сын Роки погиб. Дочь Джина сейчас здесь вместе со своим вторым слабоумным мужем, дипломированным бизнесменом. Он вполне способен урвать полмиллиарда долларов или около того и виртуозно спустить их за три года.

Ну и наконец Рэмбл, сгорбившийся в кресле на пятом этаже, облизывающий золотое кольцо, продетое через губу в уголке рта. Он расчесывает пятерней свои липкие зеленые волосы и злобно поглядывает на мать, у которой хватило наглости явиться сюда с маленьким лохматым жиголом. Рэмбл надеется уже сегодня стать богатым, получив состояние только потому, что был мной зачат. У Рэмбла тоже есть адвокат — хипповатый радикал, которого Тайра увидела по телевизору и наняла, как только переспала с ним. Они ждут так же, как и остальные.

Я знаю этих людей. Я наблюдаю за ними.

Из глубины квартиры появляется Снид. Вот уже почти тридцать лет служит у меня мальчишкой на побегушках этот кругленький домашний человечек в белой жилетке, робкий и застенчивый, постоянно согнутый в поясе, словно он всегда кланяется своему королю. Снид останавливается передо мной, как обычно, сложив ручки на животе, наклонив голову набок, сладко улыбаясь, и проникновенно, нараспев, как научился в Ирландии, когда мы туда ездили, спрашивает:

— Как вы себя чувствуете, сэр?

Я ничего не отвечаю, потому что Сниду отвечать не требуется, он и не ждет ответа.

— Кофе, сэр?

— Ленч.

Снид моргает, кланяется еще ниже и ковыляет прочь, подметая пол обшлагами брюк. Он тоже надеется разбогатеть после моей смерти и, полагаю, считает дни, как и все остальные.

Богатство иметь хлопотно потому, что каждый хочет урвать у тебя хоть что-то — пусть даже один сребреник. Что такое миллион для человека, владеющего миллиардами? Отстегни мне миллиончик, старина, ты даже не заметишь убыли. Одолжи мне денег — и давай оба об этом забудем. Вставь мое имечко куда-нибудь в завещание, местечко там найдется.

Снид чертовски любопытен, как-то я застучал его, когда он рылся в моем письменном столе, полагаю, в поисках действовавшего на тот момент завещания. Он хочет, чтобы я умер, поскольку рассчитывает получить несколько миллионов.

Какое право он имеет чего бы то ни было ожидать? Мне давно нужно было его выгнать.

В моем новом завещании его имя не упомянуто.

Он ставит передо мной поднос: запечатанная пачка крекера «Ритц», маленькая баночка меда, закрытая крышкой с пластмассовой печатью, и баночка (двенадцать унций) «Фрески» комнатной температуры. Малейшее отклонение от меню — и Снид тут же оказался бы на улице.

Я отпускаю его и макаю крекер в мед. Последняя трапеза.

Глава 2

Я сижу и смотрю сквозь стену из тонированного стекла. В ясный день отсюда виден памятник Вашингтону, находящийся в шести милях, но не сегодня. Сегодня день сырой, холодный, ветренный и пасмурный — весьма подходящий, чтобы умереть. Ветер сдувает с ветвей последние листья и разбрасывает по автомобильной стоянке под окнами.

Почему меня беспокоит мысль о боли? Разве будет не справедливо, если я немного пострадаю? Я причинил другим столько горя, сколько не смогли бы причинить и десять человек.

Нажимаю кнопку — является Снид. Он кланяется и вывозит меня из моих апартаментов в отделанное мрамором фойе, затем катит инвалидную коляску по такому же великолепному коридору — в другую дверь. Расстояние между мной и моей родней сокращается, но я не чувствую никакого волнения.

Я протомил психиатров в ожидании более двух часов.

Мы проезжаем мимо моего кабинета, и я киваю Николетт, последней моей секретарше — очаровательной девушке, от которой я в полном восторге. Будь у меня побольше времени, она могла бы стать четвертой.

Но времени нет. Остались минуты.

Вся шайка в сборе — разбившиеся на стайки адвокаты и несколько психиатров, приглашенных определить, в своем ли я уме. Они собрались вокруг длинного стола в моем зале заседаний. Когда меня ввозят, разговоры резко обрываются, взоры устремляются на меня. Снид подвозит коляску к столу и ставит рядом с моим адвокатом Стэффордом.

Повсюду установлены камеры, направленные в разные стороны, операторы суетятся, наводя фокус. Шепот, движения, вздохи будут тщательно фиксироваться ими — ведь на кон поставлено огромное состояние.

Последнее подписанное мной завещание почти ничего не давало моим детям. Джош Стэффорд, как обычно, подготовил его, а я скормил машинке сегодня утром.

Я сижу здесь, чтобы доказать всему миру, что нахожусь в прекрасной интеллектуальной форме и в состоянии подписать новое завещание. Как только оно будет заверено, никто не сможет оспорить мое решение.

Прямо напротив меня расположились три психиатра — по одному от каждой семьи. На табличках, стоящих перед ними на столе, кто-то написал фамилии — «д-р Зейдель», «д-р Фло», «д-р Тишен». Я изучаю их лица и глаза. Поскольку мне предстоит продемонстрировать свою вменяемость, нужно установить зрительный контакт.

Они ожидали увидеть чокнутого, а я готов съесть их на обед.

Парадом будет командовать Стэффорд. Когда все рассаживаются по местам и операторы включают камеры, он произносит:

— Меня зовут Джош Стэффорд, я поверенный в делах мистера Троя Филана, который сидит здесь, справа от меня.

Я поочередно смотрю в глаза каждому психиатру, пока он не начинает моргать или не отводит взгляд. На всех троих — темные костюмы. У Зейделя и Фло — жиденькие бородачки. Тишен — в галстук-бабочке, на вид ему не больше тридцати. Семьям было предоставлено право выбрать, кого они пожелают.

Стэффорд продолжает:

— Цель нынешней встречи — предоставить возможность консилиуму врачей-психиатров освидетельствовать мистера Филана и решить, дееспособен ли он. Если консилиум признает его дееспособным, он подпишет завещание, в котором будет указано, как распределится его состояние.

Стэффорд постукивает карандашом по лежащей перед ним папке с дюйм толщиной, в которой якобы находится завещание. Я уверен, что сейчас камеры показывают папку крупным планом и от одного ее вида у моих детей и их матерей, рассредоточенных по разным помещениям, мороз пробегает по коже.

Они не видели завещания и не имеют на это права. Завещание — конфиденциальный документ, содержание которого оглашается только после смерти завещателя. Наследники могут лишь гадать, что в нем. Я сделал им кое-какие намеки, тщательно внедрил в их сознание ложную информацию.

Заставил поверить, что основная часть наследства будет более или менее справедливо поделена между детьми, а бывшие жены получают значительные суммы. Они это знают, чувствуют. Об этом они будут отчаянно молиться недели, а может, и месяцы. Ведь для них это вопрос жизни и смерти, потому что все они в долгах. Предполагается, что лежащее передо мной завещание сделает их богатыми и положит конец распрям. Стэффорд, готовивший документ, в разговоре с их адвокатами с моего разрешения в общих чертах обрисовал его содержание: каждый наследник получит от трехсот до пятисот миллионов долларов, еще по пятьдесят миллионов достанется каждой из бывших жен. При разводе я прекрасно обеспечил всех трех, но об этом, разумеется, уже забыли.

В общей сложности они получают около трех миллиардов. После уплаты налогов, на что уйдет еще несколько миллиардов, остальное пойдет на благотворительность.

Так что вы понимаете, почему эти люди слетелись сюда — сияющие, ухоженные, трезвые (большинство по крайней мере). Они жаждут увидеть на экране монитора волнующее представление, ожидая и надеясь, что старый хрен сможет справиться со своей задачей. Уверен, мои дети и бывшие жены сказали нанятым ими психиатрам: «Будьте снисходительны к старику. Мы хотим, чтобы его признали здоровым».

Если все довольны, зачем тревожиться из-за психиатров? А затем, что я собираюсь обмануть всех еще один, последний раз и намерен сделать это наилучшим образом.

Приглашение психиатров, в сущности, моя идея, но мои дети и их адвокаты слишком туго соображают, чтобы понять это.

Начинает Зейдель:

— Мистер Филан, вы можете назвать день, время и место, где вы находитесь?

Я чувствую себя первоклассником. Низко опускаю голову и размышляю так долго, что они, устав ждать, откидываются на спинки кресел и шепчут:

— Ну же, старый мерзавец. Конечно, ты знаешь, какой сегодня день.

— Понедельник, — тихо отвечаю я. — Понедельник, девятое декабря тысяча девятьсот девяносто шестого года. Место — мой офис.

— А время?

— Около половины третьего дня, — отвечаю я, — у меня нет часов.

— А где находится ваш офис?

— Маклин, Виргиния.

Фло наклоняется к своему микрофону:

— Можете ли вы назвать имена и даты рождения своих детей?

— Нет. Имена — да, но даты рождения — нет.

— Ладно, назовите имена.

Я делаю паузу. Еще рано демонстрировать остроту ума. Надо заставить их попотеть.

— Трой Филан-младший, Рекс, Либбигайл, Мэри-Роуз,

Джина и Рэмбл, — произношу я так, словно мне неприятна сама мысль о них.

Фло предоставляют право продолжить:

— Но был еще и седьмой ребенок, не так ли?

— Так.

— Вы помните его имя?

— Роки.

— А что с ним случилось?

— Он погиб в автокатастрофе. — Я выпрямляюсь в своей инвалидной коляске, поднимаю голову и поочередно смотрю в глаза каждому врачу, демонстрируя для камер абсолютную вменяемость. Уверен, дети и бывшие жены гордятся мной, наблюдая в своих маленьких группках за происходящим по монитору. Они сжимают руки своих нынешних мужей и жен и улыбаются в ответ на жадные взгляды адвокатов — пока старый Трой справляется с экзаменом.

Пусть мой голос звучит хрипло и глухо, пусть я, со своим сморщенным лицом, выгляжу безумцем в этом белом шелковом одеянии и зеленом тюрбане, но на вопросы-то отвечаю.

Ну давай, давай, старина, мысленно умоляют они.

Тишен спрашивает:

— Каково ваше нынешнее физическое состояние?

— Бывало и лучше.

— Говорят, у вас злокачественная опухоль.

Попал точно в цель, правда?

— Я полагал, что меня обследуют на предмет психического здоровья, — говорю я, бросая взгляд на Стэффорда, которому едва удастся скрыть улыбку. Правила позволяют задавать любые вопросы. Это не суд.

— Вы правы, — вежливо отвечает Тишен. — Но всякий вопрос относителен.

— Понимаю.

— Вы ответите на мой последний вопрос?

— О чем?

— О раке.

— Конечно. Опухоль размером с мячик для гольфа — у меня в мозгу. Она растет с каждым днем, неоперабельна, и мой врач говорит, что я не протяну и трех месяцев.